
РУССКАЯ ПОЭЗИЯ РУБЕЖА XX—XXI вв.: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Е.С. Зинурова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье дан анализ основных направлений современной российской поэзии. Автор исследует состояние поэтической среды рубежа XX—XXI вв., дает оценку наиболее значительным изменениям, произошедшим в поэтике этого периода. Делается вывод о распаде корпоративных связей между литераторами-современниками, об отсутствии отчетливо выраженных поэтических школ и групп. Факт распада объясняется процессами, характерными для искусства новейшего времени, зародившимися десятилетия тому назад.

При этом в статье обосновывается предположение, что современную поэзию во многом обогащает усиление очень индивидуальных диалогических отношений с классиками-предшественниками, творившими прежде всего в начале ушедшего столетия. Приводятся положительные примеры такого диалога — «общения» в аспекте интертекстуальности. Интертекстуальность, по мнению автора, способствует самовыражению современных поэтов, решению многих творческих задач.

Рассуждения и выводы автора статьи основываются на обращении к десяткам имен известных и малоизвестных поэтов, на внимании ко многим аналитическим публикациям последних лет.

Ключевые слова: русская поэзия, современная поэзия, литературные направления, интертекстуальность, диалог, модернизм, постмодернизм

В настоящее время попытка систематизации современной российской поэзии, выделения в ней основных направлений, течений, групп чрезвычайно затруднена. Образно говоря, некогда разветвленное дерево отечественной поэзии превратилось в древо зонтичное, в густой кроне которого трудно рассмотреть не только несущие ветви, но даже и сам ствол. Да, генетическое родство каждой или почти каждой веточки этой кроны поддается расшифровке, можно определить, какие корни ее питают, но это уже совсем другое дело...

Отсутствие в нынешней поэтической среде достаточно ярко выраженных литературных объединений, вероятно, естественно и понятно в свете распада творческих корпораций, начавшихся еще в начале новейшего времени. До Серебряного века литературные направления поочередно сменяли друг друга (хотя и сосуществовали в некоторые периоды), а после группы поэтов начали дробиться. Во второй половине XX в. у литературных течений появились приставки «пост», а подгруппы литобъединений стали уже и специфичнее.

Михаил Эпштейн в 1983 г. создал «каталог новых поэзий» [7], в котором обозначил 10 таких поэзий и каждую подробно охарактеризовал, выделив и основных представителей. Через два года Слава Лен назвал современную поэзию «бронзовым веком» [2] и написал одноименный труд, в котором отметил порядка шестидесяти главенствующих «школ русского стиха» с 1953 по 1989 гг. Оба эти исследования являются добротным подспорьем для анализа современной поэзии, од-

нако течения, выделенные литературоведами к началу XXI столетия, себя исчерпали.

В первых двух десятилетиях XXI в. проблематично выделить устойчивые поэтические содружества. Возникший в 1988 г. «Орден куртуазных маньеристов» во главе с Вадимом Степанцовым (также туда входили Александр Бардодым, Александр Вулых, Андрей Добрынин, Константин Григорьев, Дмитрий Быков, Виктор Пеленягрэ, Александр Скиба), уже несколько лет в расколе: участники или сменили лирическую направленность или уже ушли в мир иной. Отчасти элегическую, отчасти скандальную лирику «поэтов-рыцарей», в которой «портвейн» сменил «игристое», а признание в любви помещается в одну строку с ненормативной лексикой, литературоведы восприняли как доведенный до абсурда культ «безвкусицы», который, к слову, удачно вписался в пародийную струю постмодернистских произведений.

Вадим Степанцов продолжает дело ордена, высмеивая несвоевременный романтизм своих стихов. В предисловии к книге «О бесстыдницы, о недотроги» автор отмечает, что он, в отличие от большинства поэтов якобы «слабаков», не боится заявить о своей гениальности: «Я волшебен, и жизнь упоительна!» [б. С. 1]. Эту мысль продолжает стихотворение «Есть хорошие поэты...» (2011):

Есть хорошие поэты, например, Андрей Дементьев,
Или же Бахыт Кенжеев, пылесосов продавец,
Только жизнь их так банальна, так уныла и бесцветна,
Что да ну ее бы на фиг, а я — рыцарь, я — самец... [б. С. 2].

В 1999 году поэт Мирослав Немиров создал литературную группу «Осумшедшие Безумцы», в которую в разные годы входили Андрей Родионов, Всеволод Емелин, Дмитрий Данилов, Максим Белозор, Юлия Беломлинская. Состав литобъединения неоднократно обновлялся, поэты постепенно покидали «ОсумБез», а в феврале 2016 г. не стало и основателя группы. Одним из самых заметных поэтов «товарищества» был Андрей Родионов, известный остросюжетными, иногда фантастическими, а часто злободневными стихами, описывающими жизнь маргиналов или богемы, как, например, в стихотворении «Есть на нашей улице...» (2004):

Есть на нашей улице магазин бывший «Продукты»,
У которого закрашены белой краской окна,
Там на стенах висят кольца и крючья,
Там пытаются поэтесс в черных кофтах...

В 2008 году Федор Сваровский написал манифест «Новый эпос», в котором поэтами нового времени, якобы переосмыслившими свое значение в литературе, называет того же Андрея Родионова, а еще Бориса Херсонского, Виктора Полещука, Григория Дашевского, Марию Степанову, Линор Горалик, Павла Гольдина. Сваровский отмечает, что «новый эпос» — тенденция, а не школа, что здесь на первый план выходит нарративный текст с диалогами, полный героизма и морали, написанный автором, «стоящим за текстом». По мнению автора, реальностью происходящего такие литературные произведения ограничиваться не должны.

Литературоведы восприняли опус Сваровского лишь как попытку переосмыслить уже имеющиеся традиции в русской и зарубежной литературе, а не как нечто.

Следует отметить, что тенденция, отмеченная «новым эпиком», появилась гораздо раньше манифеста. В самом начале XXI в. фантастика и лиризм сочетались в творчестве Григория Кружкова, например, в стихотворении «Я буду помнить тебя...» (2001):

Я буду помнить тебя и в марсианском плену,
В колоннах каналорбочих, в колодцах шахт...

Однако пока рано говорить о смешении эпических и лирических родов литературы. Прозаизация поэзии носит все-таки локальный характер (хотя уже не первое десятилетие).

В 2007 году подробный анализ состояния современной поэзии дал Дмитрий Кузьмин в докладе «Русская поэзия в начале XXI века» [1]. Он отмечает, что основные течения, группы или школы на данный момент обозначить невозможно. Кузьмин предполагает два подхода к изучению новейшей поэзии — гендерный («женская поэзия») и региональный, — и оба из них признает неподходящими. Он отмечает, что концептуализм и метареализм, будучи наиболее заметными в 1990-е, сейчас уходят на второй план, а постконцептуализм в силу отсутствия толковой эстетики быстро себя исчерпал. В докладе отмечается, что одновременно с этим исчерпало себя постакмеистское течение. Такие его представители, как Михаил Айзенберг, Владимир Гандельсман, Виктор Кривулин разошлись каждый по своим творческим путям, и тенденция вырисовывалась только за счет количества подражателей, подражающих теперь уже последователям Анны Андреевны. Действительно, стихи, например, Марии Степановой мало напоминают стихи акмеистов и, в частности Ахматовой. Взять, к примеру, такое стихотворение современной поэтессы, как «Жизнь ты пореха...» (2015):

жизнь ты прореха нуждающаяся в починке
смерть ты тесто стосковавшееся по начинке...

По тому же пути последовал постфутуризм. Течения, состоявшие из эпигонов, быстро себя исчерпали. Один из самых именитых «наследников» Велимира Хлебникова, Геннадий Айги, соединил в своем творчестве приемы великого футуриста и практики европейского авангарда, как, скажем, в стихотворении «Без названия» (2001):

о счастье — блаженство =
о — Бог = мой! =
жизнь-и-смерть = в
колеблющейся — мокрой — листве — ...
— ... в середине мая ... — ...

Консервативные поэты, ориентированные на русский стих XIX в., Наталья Горбаневская и Инна Лиснянская, ушли из жизни и поставили точку в осмыслении традиционной отечественной поэзии. В их творчестве встречались элементы

и новейшей поэзии (лексика, ритм), но в памяти критиков лирика Горбаневской — звено в одной цепи с Тютчевым, Некрасовым и Фетом:

И миновало. Что миновало? Все миновало.
Клевера запах сухой в уголку сеновала,
шепот, и трепет, и опыта ранние строки,
воспоминанье о том, как строги уроки
лесенки приставной и как пылью сухою
дышишь, пока сама не станешь трухою.

(«И миновало...», 2013)

Значительная часть современного поэтического сообщества предпочитает писать верлибром. Таким стихам могут быть посвящены целые форумы, фестивали и поэтические сборники. Каждый автор пытается интонировать свой «верлибр» по-разному, однако во многих случаях стихи одного поэта, отказавшегося от рифмы и практически от ритма, легко спутать с другим противником силлабо-тоники.

В так называемой женской поэзии самыми яркими фигурами считаются Юнна Мориц, Новелла Матвеева, Лариса Миллер, Инна Лиснянская, Ольга Седакова, Елена Шварц, Аня Логвинова, Аля Кудряшова, Елена Фанайлова, Вера Павлова. В основном литературоведов интересует, чем оправдан такой всплеск творческой активности «слабого» пола и можно ли говорить о «женском лице» современной поэзии. У более молодых поэтесс тематика ограничена любовной лирикой, анализом семейных проблем и бесхитростной жизненной философией. И если Юнна Мориц заявила, что раздражена включением ее стихов в сборники «женской лирики» (мол, нет же подобных книжек для мужчин), то некоторые поэтессы сами выбирают статус «хранительницы очага». Анна Логвинова рассуждает так:

Уж если быть женщиной, то лучше Наташей —
глупенькой нашей, восторженной нашей —
спугнуть подлеца, отпугнуть гордеца,
найти своим детям хорошего отца...

(«Быть Анной, быть Ларой...», 2011)

Некоторые женщины-поэты, отстаивая творческое равенство, намеренно пишут стихи от мужского лица и выбирают как можно более брутальную лексику и «рваный» ритм. Александр Скидан писал, что «нерв» современной поэзии перешел в творчество женщин [5]. Второй его гипотезой было то, что именно в слабом «жертвенном» поле нашли отражение все ужасы постсоветской эпохи.

Попытку «разбить» поэтические школы по регионам Кузнецов также считает неудачной. В своем докладе он только вспоминает былую славу Воронежа и Кидекши.

Сейчас можно отметить только уральскую поэтическую школу, и то с оговорками. Эпицентрами литературной жизни в последние пять-десять лет стали Екатеринбург, Пермь и Челябинск. Десятки молодых и взрослых уральских поэтов регулярно издаются в местных антологиях и альманахах, публикуются в «толстых» журналах и становятся лауреатами престижных литературных премий.

Александр Пермяков считает, что уральская поэтическая школа — «это братство людей, связанных личными отношениями и мировоззрением, но не формальными признаками» [4]. Дмитрий Кузьмин отрицает наличие внутри региональной общности авторов, а регулярный выпуск антологий современных уральских поэтов оценил так: «Если долго и упорно настаивать на своем, то через некоторое время пространство начинает сгущаться» [4]. Составители сборника общих тенденций не отмечали, однако некоторые литературоведы нашли схожие черты в стихах поэтов, включенных в антологию: «Современная уральская поэзия — это поэзия преимущественно непрямого высказывания, уходящая в сторону поэтики ассоциативной, медитативной, экспрессивной» [4]. Нельзя не заметить, что перечисленные признаки свойственны большинству поэтических произведений, так что вопрос до сих пор остается дискуссионным.

Проще сказать, чего в поэзии теперь нет. Например, ушла (по крайней мере трудно где-то встретить) из поэзии деревенская и пейзажная лирика. Их давно заменили описания суетных городских улиц. Трамваи, вокзалы, многоэтажки, подъезды и метро вытеснили бескрайние поля, леса и луга. Это не значит, что начинающие поэты перестали писать стихи, посвященные отдыху в селе, однако такие опыты чаще являются эпигонством и лишены искренности и правдоподобия.

С течением веков поэзия все больше индивидуализируется, а место автора в стихах главенствует. Утверждение Ролана Барта, что «автор мертв», в корне неверно. Буквально несколько десятков лет назад, в эпохе неклассического сознания автору было отведено первостепенное место. Постмодернизм вернул рассказчику средневековый комплекс отсутствия собственного мнения, оставив право лишь иронизировать над прошлым, но то постмодернизм...

Автор жив и не растворился в хоре своих предшественников. К слову, ажиотаж около постмодернизма заметно спал еще в начале XXI в., причем не только в поэзии, но и в прозе, т.е. повсеместно. Факт того, что литература пережила, превозмогла или преодолела постмодерн, неоднократно отмечается в ряде литературоведческих статей последних лет. В исследовании Владимира Мескина говорится: «Реалистическая традиция решительно отодвигает традицию постмодернистскую» [3]. И это неудивительно. Направление, дающее автору установку на перемалывание и пародирование классиков, бесплодно сама по себе и не может самовоплощаться в течение всего творческого пути поэта. Автор не в силах вынести осознание собственной вторичности. Ему проще не осознавать ее.

Из-за нехватки единомышленников в кругу общения поэты чаще начинают обращаться к своим литературным учителям. Связывать поколения помогает интертекстуальность, выполняющая в данном случае функцию ведения диалога между классиками и современными поэтами. Вот как спустя десятки лет легко угадывается в стихотворении Аркадия Застыльца «Цвет снега» (2008) «Зимняя ночь» Бориса Пастернака:

Небесный снег стерильно бел
Когда украдкой
Нырнет в участи предел,
Земной, несладкой...

Сравним со стихотворением Бориса Леонидовича («Зимняя ночь», 1946):

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Можно даже предположить, что некоторые современные поэты пишут как бы для предков, а не для потомков. Черета реминисценций и заимствований в их произведениях говорит о поиске соответствующего читателя — из другого века, или также тоскующего по прошлому. Так, Александр Кушнер хотел бы показать свои стихи Блоку и Фету, а не современному читателю:

Запиши на всякий случай
Телефонный номер Блока:
Шесть — двенадцать — два нуля.
Тьма ль подступит грозной тучей,
Сердцу ль станет одиноко,
Злой покажется земля...

(«Запиши на всякий случай...», 1994)

Можно было бы выделить отдельное поколение «ностальгирующих» поэтов, однако обращение к минувшему естественно при каждой смене поколений литераторов.

Литература цепляется за великое прошлое, боясь не обеспечить себе не менее великое будущее. Усугубляет пораженческие настроения дух эпохи постмодернизма (эпохи «хаоса»). Поэты уходят в глубину собственных рефлексий. Такого рода тенденцию можно назвать интериоризмом — уходом в глубь, попыткой объяснить человеческую психику, пересказывая жизненные события мифопоэтическим языком с ноткой отношения к описываемому. Так, перечисляя ключевые события разных лет и добавляя в текст напряженности обратным отчетом при игре в прятки, Аля Кудряшева говорит о скоротечности и трагичности нелепой человеческой жизни:

...Десять — кончаю четвертый класс, завтрак можно не делать.
Надо спешить со всех ног и глаз. В августе будет девять.
Восемь — на шее ключи таскать, в солнечном таять гимне...
Три. Два. Один. Я иду искать. Господи, помоги мне.
(«Мама на даче...», 2007)

Примером концентрата такой группировки стали и электронные порталы (например, *Literratura*), и молодые (издающиеся с 1990-х) «толстые» литературные журналы. Разные, отчасти абсурдные истории о том, как поэт упал с велосипеда или купил свой первый кошелек, сменяются метафизическими размышлениями о Боге или рассказами о встрече с марсианами. Алексей Кашеев представляет, как окажется на Страшном суде:

И вот я попадаю на страшный суд
занимаю очередь перед дверью синей

стою смущаясь своей наготы
волнуюсь как на экзамене по химии...
(«Допустим я умер и мое тело...» 2014)

Есть в современной поэзии оригинальные одиночки. Так, Андрей Чемоданов, впрочем, не без иронии утверждает, что в поэзии надо просто перечислять все, что видишь:

ты просто говори что видишь
таков поэзии секрет
уже оделись так идите ж
и принесите сигарет.
(«Нетрезвые полуботинки», 2014)

Пока рано давать объективную оценку тому, каких поэтов можно считать наиболее крупными в XXI в. Мнения критиков, поэтов и читателей расходятся. Юрий Казарин самыми значительными фигурами в литературном процессе первых двенадцати лет XXI в. считает Сергея Гандлевского, Ольгу Седакову, Дениса Новикова, Сергея Шестакова и Бориса Рыжего. В их ряд, думается, можно смело добавить самого Юрия Казарина и Александра Кушнера. Александр Скидан одним из самых выдающихся современных поэтов назвал Кирилла Медведева, Аркадия Драгомощенко, Дмитрия Голыню-Вольфсона, Василия Ломакина и Леонида Шваба, а после добавил в список женщин — Елену Шварц, Ольгу Седакову и Елену Фанайлову [5]. Дмитрий Кузьмин насчитал шесть-семь сотен поэтов, которые регулярно публикуются в журналах или альманахах, а значит и участвуют в литературном процессе.

Нередко звание поэтов XXI в. по старой памяти получают те, у кого расцвет творчества пришелся на вторую половину или конец XX в., как, например, Семен Липкин, Белла Ахмадулина, Виктор Соснора, Андрей Вознесенский, Юрий Кублановский и многие другие. Ни в коем случае нельзя приуменьшать то, что авторы написали в XXI в. Г.Р. Державин прожил шестнадцать лет в XIX в., но так и остался поэтом века XVIII.

Нет пока однозначной оценки творчества «молодых», не слышно новых «громких» имен. Чтобы разобраться в «поэтическом поле» и измерить расстановку сил, понадобится лет пятнадцать, т.е. взгляд издалека. Однако отсутствие оценки уж сейчас (отметим, что литературная критика переживает не лучшие времена) тормозит процесс развития как отдельных поэтов, так и литературы. Становление поэта, будь он даже гений, начинается с подражания предшественникам или современникам, переболев которыми, автор находит (если находит) собственную интонацию. В современной литературной обстановке сложно прогнозировать подобную последовательность.

Несмотря на эпоху Интернета, обилие коммуникационных технологий, нельзя представить время более одинокое и более обреченное для пишущего человека, осознающего свою ненужность в шуме и пестроте массовой культуры. Ведь судьба поэта в каком-то смысле ничуть не изменилась за почти три века существования русской поэзии. Изменились лишь внешние факторы, фон. Тем печальнее в XXI в. «привет» от современного поэта к великому предку, и «тем верней».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кузьмин Д. Русская поэзия в начале XXI века // РЕЦ. 2008. № 48. С. 12.
- [2] Лен С. Древо русского стиха (концепция бронзового века) // Часы. 1987. № 66. С. 104—140.
- [3] Мескин В. Реализм — постмодернизм в российской литературе вчера и сегодня // Вестник Российского университета дружбы народов, серия Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 5—11.
- [4] Сафронова Е. Звезда с звездой говорит... // Знамя. 2012. № 12. С. 202—205.
- [5] Скидан А. Сильнее урана. Современная женская поэзия // Воздух. 2006. № 3. С. 166.
- [6] Степанцов В.Ю. О бесстыдницы, о недотроги! (сонеты, рондели, баллады). М.: Эксмо, 2011. 220 с.
- [7] Эпштейн М. Каталог новых поэзий // Современная русская поэзия после 1966. Двухязычная антология. Берлин: Обербаумверлаг, 1990. С. 359—367.

RUSSIAN POETRY AT THE TURN OF THE XX—XXI CENTURY: DEVELOPMENT VECTORS

E.S. Zinurova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article presents an analysis of the main Russian modern poetry directions. The author explores the state of the poetic environment at the turn of the XXth and XXIst centuries and estimates the most significant changes in the poetics of the period. Conclusion is giving about the collapse of corporate connections between writers—contemporaries, and the absence of clearly expressed poetry schools and groups. The processes that originated decades ago explain the fact of the collapse.

We substantiate the hypothesis that dialogical relations with classic precursors particularly of the early XX century enrich modern poetry. Sound examples of such dialogue shown in the aspect of intertextuality. The author considers to intertextuality promote the self-expression of modern poets and solving many of their creative tasks.

The author's reasoning and conclusions are based on accessing dozens of names famous and little-known poets, on many analytical publications in recent

Key words: Russian poetry, modern poetry, literary trends, intertextuality, dialogue, modernism, postmodernism

REFERENCES

- [1] Kuzmin D. *Russkaya poesiya v nachale XXI veka* [Russian poetry at the beginning of the XXI century]. RETS. 2008. № 48. P. 12.
- [2] Len S. *Drevo russkogo stikha (kontseptsiiy bronzovogo veka)* [Tree of Russian poetry (the Bronze Age concept)]. Chasy [Clock], 1987, № 66, pp. 104—140.
- [3] Meskin V. Realizm — Postmodernizm v rossiyskoy literature vchera i segodnya [Realism — Postmodernism in Russian literature yesterday and today]. *Vestnik RUDN seriya literaturovedeniye i zhurnalistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russian series Studies in literature. Journalism]*, 2014, № 4, pp. 5—11.
- [4] Safronova E. *Zvezda s zvezdoyu govorit...* [A star is speaking to a star...]. Znamya [Banner]. 2012. № 12, pp. 202—205.
- [5] Skidan A. *Silnee urana. Sovremennaya zhenskaya poeziya* [Stronger than uranium. Modern women's poetry]. Vozdukh [Air]. 2006. № 3, p. 166.
- [6] Stepantsov V.U. *O besstydnitsy, o nedotrogi! (sonety, rondeli, ballady)* [Oh the shameless, oh the touch-me-nots! (Sonnets, roundels, ballads)]. М.: Eksmo, 2011, 220 p.
- [7] Epshiteyn M. Katalog novyh poeziy [A catalogue of new poetries]. *Sovremennaya russkaya poeziya posle 1966. Dvuyazychnaya antologiya* [Modern Russian poetry after 1966. Bilingual anthology]. Berlin: Oberbaum verlag, 1990, pp. 359—367.